

Письмо Императора Александра I Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ взятія Парижа.

Помѣщаемое ниже письмо Императора Александра Павловича къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 3 апрѣля ст. стила 1814 г. изъ Парижа впервые дѣлается достояніемъ печати. Оно написано спустя двѣ недѣли послѣ взятія Парижа русскими войсками (19 марта 1814 года) и живо напоминаетъ о чудныхъ успѣхахъ русскихъ войскъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, завершившейся его низверженіемъ. Велика была въ этотъ моментъ слава Александра и Россіи. Но униженіе Франціи и низверженіе гениальнаго корсиканца въ сущности были полезны только Англіи и нѣмецкимъ союзникамъ Россіи: ни русскимъ, ни французамъ нечего было дѣлать между собою, и послѣ пожара Москвы и взятія Парижа они продолжали относиться другъ къ другу съ чувствами симпатіи и уваженія. Самъ Александръ пишетъ матери: „надобно сознаться, что если что-нибудь и порадовало меня при вступленіи въ Парижъ, то это былъ тотъ способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы явились сюда не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами: это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу“. Это настроеніе Императора, благопріятное французамъ, сдерживало аппетиты его союзниковъ, желавшихъ какъ можно болѣе урѣзать Францію къ вящей славѣ и выгодѣ германизма, и доставило ей болѣе выгодныя условія мира.

Низверженіе Наполеона привело къ возвращенію французскаго престола династіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII еще не успѣлъ пріѣхать въ Парижъ, когда Александръ писалъ свое письмо матери. Но Императоръ хорошо зналъ, что за время своего

изгнанія Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли, и потому потребовалъ отъ Людовика, чтобы онъ, прежде въѣзда своего въ Парижъ, призналъ новый порядокъ вещей, установленный во Франціи революціей: только этимъ, по его мнѣнію, могло быть обезпечено спокойствіе во Франціи и во всей Европѣ. „Надѣюсь, писалъ онъ Императрицѣ Маріи, что новое правительство сумѣетъ вести себя благоразумно; я желаю этого, по крайней мѣрѣ, отъ всей души. Его положеніе весьма затруднительно, такъ какъ оно должно прежде всего взять за правило полное забвеніе прошлаго, должно отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ счетовъ, отъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій, должно сплотить партіи, интересы и склонности и тщательно избѣгать всего, что можетъ ихъ разъединить; вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что Франція не можетъ обойтись безъ либеральныхъ учрежденій, коими она обязана революціи, и что, захотѣвъ уничтожить ихъ, вызвали бы этимъ вторую революцію, въ тысячу разъ болѣе страшную, чѣмъ первая“. Людовикъ XVIII вынужденъ былъ, къ крайнему своему неудовольствію, принять совѣты Императора Александра, но это послужило въ послѣдствіи поводомъ къ охлажденію отношеній между обоими монархами.

Будучи повелителемъ судебъ Франціи, со страхомъ ожидавшей заключенія окончательнаго мира и новаго правленія Бурбоновъ, Александръ послѣ взятія Парижа сдѣлался предметомъ интригъ всѣхъ партій, раздиравшихъ несчастную страну, а также агентовъ союзныхъ правительствъ. Видимо это внушило ему мысль удалиться на время изъ Парижа и совершить поѣздку въ Англію, куда направлялась уже сестра его, вдовствующая принцесса Ольденбургская, великая княгиня Екатерина Павловна. Англичане съ восторгомъ ожидали посѣщенія русскаго императора, избавившаго Англію отъ смертельнаго ея врага. Но посѣтить Лондонъ Александру удалось лишь въ іюнѣ 1814 г. уже послѣ заключенія мира: ему выпала нелегкая задача быть посредникомъ и миротворцемъ между французами и новымъ ихъ государемъ, Людовикомъ XVIII, между Франціею и имъ же созданною коалиціею ея враговъ.

Любопытенъ отзывъ Александра о русской арміи въ письмѣ къ Императрицѣ: „французскіе маршалы и генералы не могутъ надивиться прекрасному виду нашихъ войскъ и состоянію нашей кавалеріи и нашей чудной артиллеріи“. Между тѣмъ, русская армія о пребываніи своемъ въ Парижѣ сохранила невеселыя воспоминанія. „Во все пребываніе наше въ Парижѣ, пишетъ Н. Н. Муравьевъ-Барскій, часто дѣлались наряды, такъ что солдату въ

Парижъ было болѣе трудно, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ до такой степени, что приказалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда встрѣчали ихъ на улицѣ, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частію наши остались побѣдителями... Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи. Офицеры также имѣли своихъ притѣснителей... Цѣль Государя была вполне достигнута: онъ приобрѣлъ расположеніе французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска". Иначе относился Александръ къ нѣмецкимъ и даже польскимъ войскамъ, что приводило русскихъ въ негодованіе.

Молодые великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи-прибывшіе въ Парижъ къ концу похода, также были предметомъ переписки Александра съ матерью. Александръ предполагалъ воспользоваться пребываніемъ своихъ братьевъ въ столицѣ Франціи, чтобы расширить ихъ образованіе, но онъ зналъ мнѣніе императрицы о легкомысліи французовъ и „развращенности“ новаго Вавилона. Поэтому, предлагая Лагарпа, находившагося въ то время въ Парижѣ, въ руководители молодымъ великимъ князьямъ, Александръ подчеркнул въ письмѣ къ матери, что Лагарпъ имѣетъ въ Парижѣ знакомство со всѣми наиболѣе „достоинными уваженія“ образованными людьми. Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Николаю и Михаилу Павловичамъ, давно уже напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“, видно, что это подчеркиваніе Императора Александра не произвело на нее большого впечатлѣнія и нисколько не ослабило ея желанія, чтобы великіе князья какъ можно скорѣе оставили Парижъ. Зато она вполне присоединилась къ другой мысли Александра, чтобы они совершили образовательное путешествіе по Европѣ, и Лагарпъ руководилъ впоследствии путешествіемъ по Италіи великаго князя Михаила Павловича. Замѣчательно что въ вопросахъ воспитанія своихъ братьевъ Александръ во всемъ подчинялъ себя матери: „относительно всего этого, писалъ онъ, рѣшающимъ долженъ быть вашъ голосъ, ваша воля“.

Письмо Императора Александра къ Императрицѣ Маріи изъ Парижа отъ 3 апрѣля стараго стиля 1814 г. одно изъ немногихъ писемъ Императора къ матери, дошедшихъ до насъ, хотя въ копіи, такъ какъ вся переписка его съ матерью была уни-

чтожена Императоромъ Николаемъ по кончинѣ Императрицы Маріи въ 1828 году. Тѣмъ дороже для исторіи и небольшіе отрывки изъ нея, рисующіе душевное настроеніе и затаенныя мысли одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государей.

Copie d'une lettre de l'Empereur à Sa Mère du 3 Avril 1814.

Paris, le 3 Avril (le 15 Avril).

Je suis toujours, chère et bonne Maman, dans l'attente de mes frères et de Vos chères lettres. Si la privation m'en est pénible, j'ai la consolation au moins de pouvoir me dire, qu'aucune n'est tombée au pouvoir de l'ennemi. La joie générale ici est à son comble. L'arrivée du C-te d'Artois n'a fait que l'augmenter encore. On sent le bonheur d'être débarrassé du jong cruel de Napoleon; en même tems de voir la guerre finie. Chacun respire et se croit régénéré; enfin on ose à peine croire à tout ce qui est survenu et cela paraît plutôt un beau rêve. Pour moi je jouis peu des plaisirs de Paris: mes occupations et mes goûts me retiennent beaucoup chez moi et à l'exception de trois spectacles et de la visite de quelques établissemens publics, tels que l'hôtel des Invalides, je n'ai pas vu grand'chose encore. La C-te d'Artois à son arrivée ayant pris le titre de Lieutenant Général du Royaume, ma présence si rapprochée auprès du Gouvernement provisoire ne pouvant plus être nécessaire, j'ai quitté ma demeure dans l'hôtel du P-ce de Benevent et je suis allé me loger à l'Elisée-Bourbon, hôtel charmant qui appartenait à Napoleon et qui a l'avantage d'avoir un charmant petit jardin. Tout est déjà vert et de cette manière j'ai l'illusion d'être comme à la campagne et de ne pas entendre tout ce bruit de Paris.—J'espère que le nouveau Gouvernement saura se conduire sagement: du moins je le souhaite du fond de mon coeur. Sa position est très délicate, car un oubli complet du passé doit être son premier principe, toutes les passions, toutes les personnalités, les réactions doivent être soigneusement comprimées. Il faut lier les choses, les partis, les affections et éviter avec soin tout ce qui peut désunir: en même tems il faut se dire que la France ne peut se passer des institutions libérales qu'elle doit en partie à la révolution et que vouloir les détruire, ce serait provoquer une seconde révolution mille fois plus effrayante que la première. Il y aurait un volume à écrire sur tout cela.—L'Empereur François est arrivé aujourd'hui: nous l'avons regu avec toute la pompe militaire possible... Les maré-

chaux et généraux français ne reviennent pas de leur étonnement à la vue de la beauté de nos troupes, de l'état de notre cavalerie et de notre belle artillerie. Ils me témoignent en toute occasion leur meilleurs sentiments possibles et même beaucoup d'affection et j'avoue que si quelque chose me fait plaisir de notre entrée à Paris, c'est la manière dont Dieu a permis que cela se fit, c'est à dire, non en conquérants ou ennemis, mais en véritables amis de ceux, qui avoient été si longtemps nos plus cruels ennemis. C'est là une véritable jouissance pour moi et dont je porte à Dieu une gratitude qu'aucun terme ne peut rendre. Pour tout le reste je voudrais déjà être loin de Paris et voir les grands objets politiques, qui se traitent dans ce moment et qui doivent fixer le sort futur de l'Europe, déjà réglés. Comme il ne dépend pas de moi cependant d'abrèger les négociations sur des intérêts trop majeurs, pour qu'ils puissent être achevés d'un trait de plume, et leur fin dépendant aussi beaucoup de l'arrivée du Roi Louis XVIII, après avoir réglé les principeaux objets, pour ne pas rester ici sur place, ce qui m'est assez désagréable. je compte, chère Maman, faire une course à Londres, dont je ne suis qu'à trois jours de voyage. C'est la seule et unique occasion pour moi de voir quelque chose de l'Angleterre et je me retrouverai ici pour le tems où tout se trouvera prêt pour la signature finale du Grand Traité de paix, qui en couronnant l'oeuvre, mettra fin, je l'espère avec l'aide du Tout-Puissant, aux malheurs du monde. En même tems cela me procurera le plaisir de revoir ma soeur à Londres, et de cette manière je ne perds pas un moment et je ne sacrifie que des prétendues délices du séjour de Paris qui n'en sont pas pour moi.— En même tems, chère Maman, veuillez me donner Vos ordres sur le compte de mes frères, et qu'ont-ils à faire? Doivent ils profiter de cette occasion pour voyager un peu en Hollande, en Angleterre, en Suisse, ou bien ordonnez Vous qu'ils reviennent tout de suite? M. Lambsdorff étant avec eux et M. Laharpe étant ici, il serait possible de combiner un voyage très instructif pour eux et qui compenserait avec utilité ce que la cassation de la guerre leur a fait perdre. Surtout un voyage en Suisse et en Angleterre pourrait être bien salutaire pour eux. Mais sur tout cela c'est Votre volonté seule qui doit tout décider. En attendant nous arrangerons avec M. Lambsdorff les choses de manière à ce qu'ils ne perdent pas le tems ici où il y a moyen de continuer les leçons dans tous les genres d'instruction possibles. M. de Laharpe leur sera d'une grande utilité par la connaissance dans laquelle il se trouve avec tout ce qu'il y a d'*estimable* en fait d'hommes

instruits. M. de Lambsdorff décidera et surveillera le tout. Adieu, chère et bonne Maman. Avec quelle impatience j'attends le moment où ayant fini toute cette si importante besogne, je pourrai voler à Vos pieds! En attendant je Vous baise mille fois les mains et me recommande à Vos bénédictions.

Копія съ письма Императора къ его матери отъ 3 апрѣля
1814 г.

Парижъ, 3 апрѣля (15 апрѣля по новому стилю).

Я все еще нахожусь въ ожиданіи, дорогая и добрая матушка, моихъ братьевъ и вашихъ дорогихъ писемъ. Какъ мнѣ ни тяжело быть лишеннымъ ихъ, но утѣшеніемъ служить мнѣ по крайней мѣрѣ сознаніе, что ни одно изъ нихъ не попало въ руки непріятеля. Здѣсь всѣ преисполнены величайшей радостью, которая еще увеличилась съ пріѣздомъ графа д'Артуа. Всѣ счастливы, что освободились отъ жестокаго ига Наполеона, и въ то же время радуются окончанію войны. Всѣ вздохнули свободно и какъ бы возродились, словомъ, едва рѣшаются вѣрить всему случившемуся, и оно кажется скорѣе прекраснымъ сномъ. Что касается меня, я мало пользуюсь Парижскими удовольствіями: мои занятія и мои склонности причиною, что я часто сижу дома и, за исключеніемъ трехъ спектаклей и осмотра нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій, какъ напр., Дома Инвалидовъ, я до сихъ поръ мало что видѣлъ. Такъ какъ гр. д'Артуа, пріѣхавъ въ Парижъ, принялъ титулъ намѣстника королевства, то мнѣ уже не было необходимости находиться такъ близко къ временному правительству, и я выѣхалъ изъ дома князя Беневентскаго и поселился въ *Elisée-Bourbon*, прелестномъ домѣ, принадлежавшемъ Наполеону, съ восхитительнымъ садикомъ, что представляетъ большое преимущество. Все уже зазеленѣло, и мнѣ представляется, такимъ образомъ, будто я живу за городомъ, и я не слышу весь этотъ Парижскій шумъ. Надѣюсь, что новое правительство сумѣетъ вести себя благоразумно; я желаю этого, по крайней мѣрѣ, отъ всей души. Его положеніе весьма затруднительно, такъ какъ оно должно прежде всего взять за правило полное забвеніе прошлаго; должно отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ счетовъ, отъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій, должно сплотить партіи, интересы и склонности и тщательно избѣгать всего, что могло бы ихъ разъеди-

нить; вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что Франція не можетъ обойтись безъ либеральныхъ учрежденій, коими она обязана отчасти революціи, и что, захотѣвъ уничтожить ихъ, вызвали бы этимъ вторую революцію, въ тысячу разъ болѣе страшную, чѣмъ первая. Объ этомъ можно было бы исписать цѣлый томъ.— Императоръ Францъ прибылъ сегодня: мы приняли его со всевозможной военной помпой... Французскіе маршалы и генералы не могутъ надивиться прекрасному виду нашихъ войскъ и состоянію нашей кавалеріи и нашей прекрасной артиллеріи. Они выказываютъ мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ самыя отиѣвныя чувства, и надобно сознаться, что если что-нибудь порадовало меня при нашемъ вступленіи въ Парижъ, то это былъ именно тотъ способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы явились сюда не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами, это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу. Что касается до всего прочаго, то я бы уже хотѣлъ быть далеко отъ Парижа и знать, что съ важными политическими вопросами, обсуждаемыми въ настоящій моментъ и долженствующими опредѣлить дальнѣйшую судьбу Европы, покончено. Но такъ какъ не отъ меня зависитъ сократить переговоры, которые затрогиваютъ интересы слишкомъ важные, чтобы съ ними можно было покончить однимъ росчеркомъ пера, и такъ какъ ихъ окончаніе зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ пріѣзда короля Людовика XVIII, то, порѣшивъ съ главными дѣлами, чтобы не оставаться тутъ на мѣстѣ, что было бы мнѣ не особенно пріятно, и предполагаю, дорогая матушка, совершить поѣздку въ Лондонъ, куда всего три дня ѣзды. Это единственный для меня случай повидать Англію, и я вернусь сюда къ тому времени, когда все будетъ готово къ окончательному подписанію великаго мирнаго договора, который увѣнчаетъ дѣло и надѣюсь положить, съ помощью Всевышняго, конецъ всѣмъ бѣдствіямъ міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ я буду имѣть удовольствіе повидать въ Лондонѣ сестру; такимъ образомъ я не потеряю ни минуты времени и только пожертвую минимыми прелестями пребыванія въ Парижѣ, которыя я таковыми не считаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогая матушка, соблаговолите дать мнѣ ваши приказанія относительно моихъ братьевъ, что имъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться случаемъ, чтобы совершить путешествіе въ Голландію, Англію, Швейцарію, или же вы прикажете имъ тотчасъ вернуться обратно? Такъ какъ г. Ламсдорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ тутъ, то можно было бы составить планъ

очень поучительнаго для нихъ путешествія, которое съ пользою вознаградило бы то, что они потеряли вслѣдствіе окончанія войны: особенно полезнымъ для нихъ могло бы быть путешествіе по Швейцаріи и по Англіи. Но относительно всего этого рѣшающимъ долженъ быть вашъ голосъ, ваша воля. Пока, мы позаботимся съ г. Ламсдорфомъ о томъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть возможность продолжать уроки по всевозможнымъ образовательнымъ предметамъ. Г. Лагарпъ будетъ имъ весьма полезенъ, такъ какъ онъ имѣетъ здѣсь знакомство со всѣми наиболее *достойными уваженія* (курсивъ въ подлинникѣ) среди образованныхъ людей. Г. Ламсдорфъ все рѣшитъ и будетъ за всѣмъ слѣдить. Прощайте, дорогая и добрая матушка. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю той минуты, когда, покончивъ со всѣми этими важными дѣлами, я смогу полетѣть къ вамъ и броситься къ вашимъ ногамъ! Пока цѣлую тысячу разъ ваши ручки и прошу вашего благословенія.

Сообщилъ Е. Шумигорскій.

